

П. КОГАН

**Очерки по истории
новейшей русской литературы**

БЛОК

Лет шестьдесят тому назад Диккенс сообщил своему другу Форстеру из тихой швейцарской Лозанны о том, что он чувствует ослабление своего творческого таланта: «Я полагаю, что главная причина этого — отсутствие улиц и прохожих вокруг меня. Не могу вам сказать, до какой степени для меня необходимы улицы и толпа. Мне кажется, что они дают моему мозгу питание, недостатка которого я перенести не в силах... Один день, проведенный в Лондоне, восстанавливает мои силы. Писать без этого волшебного фонаря мучительно и утомительно»¹.

Эти слова припоминаются нам всякий раз, когда мы раскрываем «Нечаянную Радость» Блока, эти прелестные стихи, словно пропитанные одуряющей атмосферой пьяной столичной ночи.

Блок немислим в Лозанне или в деревне. Его можно представить себе только на парижском бульваре или в петербургском ресторане. Город, этот символ буржуазии и новой психики, принесенной ею в мир, постепенно разрастаясь, стал в наше время ликующим пьяным гигантом, который вбирает в себя весь ум и все чувство человечества и, пресыщенный ими, ослабленный от избытка, ищет в наркотических средствах источника новых возбуждений.

Опьяняющее влияние столичного города, та «творимая легенда»², которая возникает в его грохоте, — легенда, имевшая на Западе Бодлера и Верлена, у нас нашла своего истинного поэта в лице Блока. Не раз уже отмечался тот факт, что вся русская художественная литература в общем была литературой де-

ревни. Дворянский строй, крепостное право, закрепившие интеллектуальную деятельность за мыслящими представителями помещичьего класса, надолго окрасили нашу поэзию в колорит чувств и настроений великого сельского народа. Величайшие художники наши вплоть до Толстого были сельчанами по духу. Они подходили к городу как чужие, не восприняв органически его испарений. Даже у Некрасова картины столичных безумий изображены рукой чуждого городу поэта, и Достоевский, первый великий поэт города, явился в него со своей правдой только для того, чтобы не принять его. В последнее время, по мере того как ликвидируется наследие старой сельской психики, потрясенной в день 19 февраля³, и русская жизнь входит в круговорот европейского буржуазного движения, постепенно захватывающего весь мир, — у нас разрастается литература города. Но мы не знаем поэта, который бы так органически сросся с городом, как Блок.

Он не знает солнца, и его душа начинает жить только тогда, когда загорается искусственный свет. Только тогда начинает работать его фантазия и творит он свою легенду.

В кабаках, в переулках, в извивах,
 В электрическом сне наяву
 Я искал бесконечно красивых
 И бессмертно влюбленных в молву.

Он не знает уединения, потому что там уснет его душа, и только в «ликновании троттуара»⁴ вдохновляется его муза. Только в уличном беспорядочном движении раскрывается перед ним тайна; и ясной становится ему скрытная жизнь человеческой души. Он должен видеть эту «цепь фонарей», протянувшуюся «сквозь улицы сонные», эти улицы, пьяные от криков, эти «солнца в сверканьи витрин». Он любит «блистательную ложь» города, «запах пламенный духов», раскрашенные пунцовые губки и «синеватые дуги бровей»⁵. Обстановка его поэзии — те картины, которые так одинаковы с тех пор, как возникли большие города. Это те рамки, в которые втиснула жизнь мира буржуазная культура. Золотящийся крендель булочной, вдали «над пылью переулочной», «испытанные остряки», заломившие котелки и каждый день гуляющие с дамами среди канав, сонные лакеи, стоящие у ресторанных столиков, шуршание шелка дамских платьев, эти раздражающие, дурманящие звуки и краски вскормили музу Блока⁶.

По вечерам над ресторанами
 Горячий воздух дик и глух,

И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Блок не только певец города. Его поэзия — удивительное воплощение той психики, того отношения к миру, которое выработалось у современного жителя столицы. Мы указывали уже, наши предки не воспринимали за целую жизнь того количества впечатлений, которое современному человеку приходится воспринимать в течение одного дня. Свидетельства успехов гения, человеческой суетности, людских страданий, следы науки, искусства, героизма, преступления нагромождены в настоящее время на каждой улице в большем количестве, чем на огромных пространствах прежнего мира. И современному человеку некогда останавливаться на них долго и глубоко. Жизнь несется перед ним, бессистемная, бессвязная, едва улавливает он обрывки явлений, не всматриваясь в лица, не проникая в глубь того, что попадает навстречу. Люди мелькают, как черные неопределенные силуэты, в экипажах он улавливает только движения, в витринах магазинов только блеск и пестроту. Блок — поэт этих быстрых неясных восприятий. Самый стих его звучит как неопределенный гул улицы, в котором время от времени выделяются отдельные звуки, стук колеса, стук захлопнувшейся двери или крик пьяного. Он не описывает предметов. Он отмечает только следы их мельканий. Он любит беспорядок и бессвязность. Чем меньше последовательности и смысла в этом нагромождении, тем больше настроения, тем больше говорит он душе современного столичного жителя, пред которым в пестром калейдоскопе проносится ежеминутно напряженная работа человечества, претворенная в мириады несходных предметов.

Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу,
Красный с козел спрыгнул — и на светлой черте
Распахнул каретную дверцу.
Нищий поднял дрожащий фонарь:
Афиша на мокром столбе...
Ступила на светлый тротуар,
Исчезла в толпе...

Блоку не нужно существительных, он довольствуется одними глаголами. Он по преимуществу поэт движений и действий. В городе непрерывная оглушающая суматоха, в которой трудно уловить самих движущихся, но запечатлеваются их жесты и движения. «Красный с козел спрыгнул», «исчезла в толпе».

Кто «красный», кто это она, «исчезнувшая» в толпе? Блок не прибавляет существительных. И он прав. Потому что в уличной сутолоке лица не остаются в памяти, остаются только мелькания. «Лица плыли и сменились, утонули в темной массе прибывающей толпы»⁷. Блок опьянен этим уличным шумом. Он бродил по улицам до одурения. Бродил так долго, что эти быстро сменяющиеся фигуры, эти мелькающие люди и предметы, то пропадающие в темноте, то попадающие в полосу фонарного света, в конце концов показались ему призраками: «были как виденья неживой столицы, случайно, нечаянно попавшие в луч; исчезали спины, возникали лица, робкие, покорные унынию низких туч»⁸.

Сказки стали действительностью. В оглушающем шуме больших городов, в их ослепительных огнях, в их безумных оргиях, одуряющих сильнее опиума и гашиша, общество обрело волшебный мир, который предшествовавшим векам являлся только в видениях и в галлюцинациях. Современному человеку не нужно особенных усилий воображения для того, чтобы перенестись в мир призраков. Сама жизнь стала видением, а люди и предметы — привидениями. В одуряющей смене цветов и звуков трудно различить, где создает сказку действительность и где она рождается в нашем воображении. Человечество создало в городах такую волшебную жизнь, такое колдовство превращений, что нервы современного человека не выдержали и галлюцинация стала нормальной формой его восприятия. Тайны прячутся за каждой спущенной шторой окна, в каждом темном углу улицы. Границы между существующим и воображаемым утратились.

В тихом воздухе — тающее, знающее...
Там что-то притаилось и смеется.
Что смеется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами — розовая, сонная?
Или это Ясная мне улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или все узнается?⁹

Он любит все, что берedit нервы, все, что усиливает болезненную чуткость, делает особенно острой восприимчивость. Только эта послушная фантазия, изощренная, легко воспламеняющаяся при первом толчке, позволяет ему жить в волшебном мире и не видеть действительности в ее настоящем свете. Эта фантазия воспитана в городе, и только там она живет и рас-

правляет свои крылья. Только звуки и краски большой столицы умеет она превращать в сказочный мир. «Там, в магическом вихре и свете, страшные и прекрасные видения жизни. Ночи — снежные королевы — влачат свои шлейфы в брызгах звезд. На буйных улицах падают мертвые, и чудодейственно терпкий напиток, красное вино, оглушает, чтобы уши не слышали убийства, ослепляет, чтобы очи не видели смерти»¹⁰. И самые картины людского горя, самые слезы человечества в поэзии Блока предстанут новыми яркими пятнами общей картины, усиливающими ее пеструю красоту. И кажется, будто не столько страдает он об этом человеческом горе, сколько наслаждается мучительно красотой этого горя, дополняющего феерическую картину общего безумия, озаренного электрическим и газовым светом ночных фонарей. Кажется, будто он благословляет эти слезы и горе, потому что они создали образ прекрасной девушки, которая пела в церковном хоре о всех усталых в чужом краю, о всех кораблях, ушедших в море, о всех забывших радость свою¹¹. И рабочие, ежедневно стекающиеся к фабрике, приходящие к этому желтому зданию «согнуть измученные спины», — они будят в нем не протест или активную силу. Они — новый яркий штрих, обогащающий картину общего безумия. Он видит, как на стене «неподвижный кто-то, черный кто-то» людей считает в тишине. Он видит лицо дьявола, управляющего этим маскарадом, и ему чудится, что в тот момент, когда несчастные труженики разбредутся, сгибаясь под тяжелыми кулями, — «в желтых окнах засмеются, что этих нищих провели»¹².

Блок рисует мир так, как он отражается в душе нервного обитателя столицы, взволнованного ее шумом и светом, возбужденного обилием впечатлений. Романтизм возрождается в эпохи, подобные нашему переходному времени. Блок — романтик, усвоивший все заветы романтизма и его трансцендентальную иронию. К его стихам так подходят слова, которыми Гейне некогда охарактеризовал одну комедию Брентано: «Нет ничего разорваннее этого произведения как в отношении мысли, так и языка. Но все эти лоскутья живут и весело волнуются; вам кажется, что вы в маскараде слов и мыслей. Все это копошится в очаровательном беспорядке, и только безумие всего дает картине некоторое единство... Тут вылетает фраза, как белый Пьерро со спущенными рукавами и громадными пуговицами... Слова любви порхают, как шаловливые Коломбины, с тоскою в сердце, — все это танцует и юлит, и мечется, и болтает»...¹³ Это — то или почти то, что хотел создать Блок в своем «Балаганчике».

Но его романтизм — новый романтизм. В старом романтизме было много звона рыцарских мечей и много молитвенного пения, звучавшего под сводами готических храмов. В блоковском романтизме эти звуки заменил грохот экипажей и трамваев и свет газа и электричества. Его мечта сохранила черты старой романтической мечты. Она охватывает универс. Но более отрывисто и быстро и менее ясно объята этой мечтой века и народы. Опьянение стало безумнее, жизнь мчится быстрее, и новый романтик из мельканий и неясностей города соткал наряды для Абсолютного. Его «Прекрасная дама», в которой он воплотил свое томление, проходит как неясное видение. Все века и народы принесли свои дары, чтобы украсить ее. Но из этой пестроты ее трубадур не взял ничего целого, не скроил ее платья в определенном стиле, и она стала неясным символом, расплывающимся обобщением любовного томления всего человечества. У нее нет имени, потому что она носит все имена и ни одного.

Словно бледные в прошлом мечты,
 Мне лица сохранились черты
 И отрывки неведомых слов,
 Словно отклики прежних миров,
 Где жила ты и, бледная, шла,
 Под ресницами сумрак тая,
 За тобою — живая ладья,
 Словно белая лебедь, плыла,
 За ладьей — огневые струи —
 Беспокойные песни мои...¹⁴

Он разворачивает длинные сказанья бессвязно, и долго, и звонко о стариках и о странах без названия и о девушке с глазами ребенка¹⁵. Его универсальной романтической душе предстает только общее, то, в чем раскрывается абсолютная сторона всякого явления. И потому так любит он изображать общие, сходные переживания души в разных образах, в разные эпохи, в разных внешних нарядах. Он рисует какие-то своеобразные параллели, точно верит, что сродны друг другу и узнают друг друга через пространства и столетия <те же> самые настроения и коллизии, возникающие в одинаковой обстановке, имеющие свою последовательность и свою логику. В его «Незнакомке», в уличном кабачке, вошедший молодой человек говорит одному из пьяных гостей: «Костя, друг, она у дверей дожидает». Но вот перед нами большая гостиная, залитая электрическим светом, полная нарядных гостей. Другие интересы, другие разговоры, другие лица. Вдруг к одному из гостей подходит молодой человек и говорит: «Костя, друг, да она у дверей дожидает...», за-

пинается на полуслове. «Все становится необычайно странным. Как будто все эти глупые люди внезапно вспомнили, что где-то произносились те же слова и в том же порядке»¹⁶. Это — даже не переселение душ, а странствование настроений. Точно автор верит, что есть где-то вне нас душевные состояния, которые посещают людей. И дело поэта — открыть в мире явлений этих посланников из высшего мира.

Блок написал немного стихотворений, и в этом его огромное преимущество перед современными поэтами. Он не перешел благодаря этому за ту грань, за которой начинается вычурность или повторение. Он не потерял еще связи с землей, и его поэзия еще полна звуками земли. Мы знаем только одно его неудачное произведение — пресловутый «Балаганчик». Пусть мир представляется поэту «балаганчиком», пусть он видит в нем несуществующих дам, королев и чертей, слышит адскую музыку, завывания унылого смычка¹⁷. Его образы будут все-таки поэтической правдой, пока сохранилась возможность видеть в них создание известной духовной организации, пока они проливают свет на внутренний мир известного типа и за ними раскрывается душа людей определенной группы. Настоящий поэт, изображая опьянение и безумие, может верить, что они — путь к прозрению высших тайн. И реальная ценность его произведений не станет меньше, потому что внутренний мир человека, находящего выход своей тоске в безумии и опьянении, становится яснее. И там, где поэту кажется, что он приподнял завесу вечности, похитил новую тайну с неба, он в сущности пролил свет на современность, осветил новый уголок земли. Блок именно такой поэт. Его поэзия окрашена мистическим оттенком, свидетельствующим о том, что сам поэт склонен верить в абсолютную жизнь вызванных им видений. Но нам дорога эта поэзия, как картина современности. Пусть самому поэту кажется, что в ней «вся сложность современной души». Пусть мы знаем, что такой «современной души» в его смысле не существует, что главные массы человечества не способны к тем душевным переживаниям, которые он изображает, что он, как всякий поэт, принял видения родственных ему душ, возникающие в привычной для него обстановке, за душевную жизнь всех людей. Это обычное заблуждение не ослабляет красоты его поэзии, искренней и потому значительной исповеди тех обитателей всемирных столиц, у которых душа, по его выражению, богата впечатлениями истории и действительности, расслаблена сомнениями и противоречиями, страдает долго и томительно, когда она страдает, — пляшет, фиглярничает и кощунствует, когда она

радуется, — душа, забывшая вольные смертные муки и вольные живые радости¹⁸.

Блок еще черпает краски для своего творчества в живых обладателях этой души. Если отбросить его неудачные лирические драмы, он еще не пытался восполнить стеклянными побрякушками пробел, образовавшийся от недостатка настоящих бриллиантов, еще не пытался прибегать к помощи надуманных вычурных эффектов в тех случаях, когда не находит правдивых красок и звуков для своей мечты.

В эпоху, подобную той, которую переживаем мы, общество требует тайны и загадок. Оно легко принимает мистификации за откровение. И не один искренний талант гибнет в такие эпохи, поддавшись соблазну легкого, но непродолжительного успеха. Блок, к счастью, не вступил на этот путь, искаживший другой крупный художественный талант¹⁹.

